

A romantic couple, a man and a woman, are embracing outdoors. The man is on the left, wearing a dark jacket, and the woman is on the right, wearing a light-colored top. They are both looking down at each other. In the foreground, a Weimaraner dog is looking directly at the camera. The dog has a dark coat and floppy ears. It is wearing a black collar with a gold tag that says "Шанс". The background is a soft-focus landscape with trees and a body of water.

Мария
Коваленко

Специалист
ПО ЧУДЕСАМ

Шанс

Мария Коваленко

Специалист по чудесам

<https://litres.ru/73998474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася, студентка медицинского колледжа, узнаёт, что её отца сбила машина. Денег на операцию нет. Учёбу приходится бросить. Жизнь превращается в бесконечную гонку между двумя работами и больничной палатой.

Однажды ночью Ася находит в мусорном баке умирающего щенка. Она не может его спасти – у неё нет ни денег, ни времени. Но она всё равно несёт его в ветеринарную клинику. И там, в старой подсобке, её жизнь пересекается с жизнью человека, который тоже давно разучился верить в чудеса.

Максим – хирург, лучший в городе, но даже он не может спасти всех. Он приходит к своему другу, старому ветеринару Борису Ильичу, чтобы просто выдохнуть. И встречает девушку, которая спит на диване рядом с коробкой, где лежит крошечный серый щенок.

– Как назвала?

– Шанс.

– Хорошее имя. Подходящее.

Эта случайная встреча изменит всё.

«Специалист по чудесам» – очень нежный, тёплый роман о любви, надежде и чудесах, которые мы создаём сами.

Мария Коваленко

Специалист по чудесам

Пролог

Это случилось в октябре, когда дожди смывают запахи и краски, оставляя город серым и безликим, как старая фотография. Я стояла на заднем дворе ветеринарной клиники, сжимала в руках телефон и смотрела на цифры, которые могли убить моего отца. За спиной кто-то курил – я чувствовала запах табака, смешанный с кофе и осенней сыростью. Я не обернулась. Я вообще ни на что не оборачивалась в те дни – боялась увидеть, что за мной уже никто не идёт.

– Не сдавайся, – сказал он.

Голос был низким, усталым. Я тогда не знала, что этот голос станет для меня единственной опорой. Что человек, который его произнёс, перевернёт мою жизнь так, как я не могла себе представить даже в самых смелых снах. Что маленький серый щенок, которого я нашла в мусорном баке, окажется самым важным существом на свете – важнее денег, важнее работы, важнее всего, что я когда-либо знала.

Это история не о любви. Вернее, не только о любви. Это история о том, как не разучиться мечтать, когда весь мир давит на грудь. О том, как одна случайная встреча может стать судьбой. О том, что чудеса случаются – просто они никогда не приходят в упаковке, как подарок.

Я не верила в чудеса. До той самой минуты, когда они начали происходить.

Глава 1. Пластиковый стул в коридоре реанимации

Ася любила запах вареников с картошкой. В этом запахе было что-то домашнее, настоящее, не зависящее от того, сколько денег осталось в кошельке и когда придёт следующая зарплата. Картошка, лук, мука, капля подсолнечного масла – всё, что нужно для счастья, так думала Ася в детстве, сидя на подоконнике.

Сейчас ей было двадцать, и она уже знала, что для счастья нужно немного больше.

Она стояла у старой газовой плиты, на которой синяя эмаль облупилась ещё при её бабушке, и ловко бросала вареники в кипящую подсолённую воду. Пар поднимался к потолку, запотевал единственное окно на кухне. За окном темнел октябрьский вечер – мокрый, холодный, с ветром, который задувал в щели между рамами, несмотря на то, что Ася каждую осень заклеивала их бумажными полосками.

Она любила этот момент. Тишина в квартире, только булькает вода в кастрюле и иногда гудят трубы центрального отопления. Можно никуда не спешить, не думать об учёбе, о деньгах, о будущем. Можно просто стоять и ждать, когда вареники всплывут, а потом выловить их шумовкой, положить на тарелку, посыпать жареным луком – и есть, обжигаясь, прямо с пылу с жару.

Отец любил вареники с картошкой. Говорил, что это «настоящая мужская еда» – сытная, честная, без лишних выкрутасов. Мама, когда ещё жила с ними, вечно ругалась: «Николай, ты скоро в вареник превратишься, есть же надо разнообразно». Но отец только отмахивался. Ася улыбнулась, вспомнив это. Потом улыбка сползла с лица, как обычно, когда мысли сворачивали не туда.

Мама ушла пять лет назад. Собрала чемодан, пока никого не было дома, оставила записку на кухонном столе. Асе тогда было пятнадцать. Она пришла из школы, увидела записку, прочитала и села на пол прямо в прихожей. Сидела долго, сжимая листок в руке, и не могла заплакать. Слезы пришли только через три дня, ночью, когда отец уже спал на диване в зале, а она лежала на своей кровати и смотрела в потолок.

Отец после ухода мамы изменился. Стал тише, меньше шутил, дольше задерживался на работе. Он никогда не жаловался, никогда не говорил о ней плохо. Только однажды, когда Ася спросила, почему мама не позвонила на её день рождения, он ответил: «Наверное, ей тяжело, дочка. Не надо её винить». Ася тогда разозлилась. Ей хотелось винить. Хотелось кричать, что мама предательница, что она бросила их, что она вообще никогда не была хорошей матерью. Но она промолчала, потому что отец смотрел на неё такими усталыми, больными глазами, что добавить ещё одну боль к его боли было невозможно.

С тех пор они жили вдвоём. Два дивана в одной квартире,

две жизни, тесно переплетённые, как нити в старом свитере, который уже не распустить – только носить, пока не изнашивается.

Квартира на втором этаже хрущёвки была маленькой. Две комнаты – зал и спальня, хотя спальней она называлась только в техдокументах, потому что на деле это была проходная комната, через которую попадали на кухню. Кухня – шесть квадратов, совмещённый санузел, крошечный коридор, где можно развернуться, только если ты очень худой. Ася была худой – не от природы, а от того, что в последние месяцы ела редко и без аппетита.

В зале стояла старая мебель: диван, на котором спал отец, сервант с хрусталём (мамино приданое, которое она не забрала), журнальный столик на гнутых ножках и книжный шкаф, забитый книгами – от медицинских справочников до детективов, которые отец читал перед сном. На стенах – ковры, уже выцветшие, с бахромой, которую Ася в детстве любила заплетать в косички. На подоконнике – герань в горшках. Пять лет назад мать хотела её выбросить («старушечьи цветы»), но отец настоял: «Оставь, они же живые». Герань осталась, и теперь Ася поливала её и разговаривала с ней, когда становилось особенно тоскливо.

Квартира пахла старым деревом, газом от плиты и чем-то ещё – тем неуловимым запахом бедности, который нельзя описать, но можно почувствовать с закрытыми глазами. Ася знала этот запах с детства. Она не стеснялась его – он был

её домом.

Но иногда, когда она приходила в гости к однокурсникам в новые квартиры с евроремонтом и пластиковыми окнами, откуда не дуло, её охватывало странное чувство – не зависть, нет, скорее тоска. Тоска по тому, чтобы однажды утром проснуться и не думать о том, хватит ли денег на отопление. Чтобы открыть холодильник и увидеть там не только старую банку солёных огурцов и полпачки маргарина. Чтобы не заклеивать окна бумагой каждую осень.

Она отгоняла эти мысли. Они были роскошью, которую она не могла себе позволить.

Николай Иванович, отец Аси, был человеком тихим и незаметным. Пять лет назад, когда завод, на котором он проработал двадцать пять лет, закрылся, он не стал жаловаться, ходить по инстанциям и требовать справедливости. Собрал инструменты из цеха, попрощался с товарищами и поехал домой. По дороге заехал в автосалон, где продавали подержанные машины, и купил старенький «Фольксваген» 1998 года выпуска – серый, с облезающим лаком на капоте и пахнущий чужим табаком.

«Буду в такси работать», – сказал он тогда Асе, вернувшись с ключами. «Пап, ты же инженер, – возразила она. – У тебя высшее образование». «Инженеров сейчас много, а таксистов мало», – усмехнулся он. «И потом, дочка, на такси я сам себе хозяин. Никакого начальства».

Он работал много. Иногда по двенадцать-четырнадцать

часов в день, особенно в предпраздничные дни, когда можно было хорошо заработать. Он возил людей в аэропорт, на вокзал, из одного конца города в другой. Слушал их разговоры, их жалобы, их счастье. Иногда рассказывал Асе за ужином: «Сегодня возил молодожёнов из ЗАГСа. Они всю дорогу целовались, так что я даже зеркало заднего вида отвёл, чтобы не смущать». Или: «Возил старушку в больницу. У неё ноги болят, а пенсия маленькая. Бесплатно отвёз, конечно».

Ася знала, что он часто возил людей бесплатно – тех, у кого не было денег. Она знала, потому что иногда проверяла его дневную выручку и видела, что она меньше, чем должна быть. Она не ругалась – она понимала. Он просто не умел проходить мимо чужой беды. Это качество, к сожалению, перешлось и ей. И именно это качество сейчас, спустя годы, она считала одновременно и проклятием, и единственным, что позволяло ей оставаться собой.

Отец возвращался домой с затекшей спиной и красными от напряжения глазами. Иногда, когда было особенно тяжело, он просто ложился на диван и лежал молча, глядя в потолок. Ася садилась рядом, клала руки ему на плечи и делала массаж – училась этому в медицинском.

«Будешь доктором, дочка, – говорил он, прикрывая глаза от удовольствия. – Будешь людей лечить. А я тогда уйду на покой, куплю лодку и буду рыбачить. У меня с детства мечта – лодка. Представляешь, сижу на озере, удочка, тишина. И никто меня не вызывает на работу».

«А я тебя буду лечить от радикулита», – смеялась Ася, надавливая на особо тугой узел в мышцах.

«Договорились».

Он не знал, что Ася уже два месяца тайком откладывает деньги на зимнюю куртку. Старая, ещё школьная, купленная в восьмом классе на распродаже, давно не грела. Дырочки на рукавах приходилось заклеивать скотчем изнутри, чтобы не дуло. В прошлом году она попыталась зашить их, но ткань истлела и рвалась под иголкой. Ася носила её уже третий месяц, дожидаясь, когда накопится достаточно, чтобы купить что-то новое – не дорогое, может быть, даже с рук, лишь бы тёплое.

Она не говорила отцу об этом, потому что знала: он начнёт отдавать свои таксопарковые чаевые, которые копил на новый аккумулятор для «Фольксвагена». Старый аккумулятор уже еле крутил стартер, особенно в морозы, и отец боялся, что однажды машина просто не заведётся. А если машина не заведётся, значит, не будет работы. А если не будет работы... Ася не хотела думать об этом.

Так они и жили – в молчаливом заговоре взаимной заботы, в котором каждый старался быть сильным, чтобы другой мог позволить себе слабость. Отец не знал, что Ася не спит по ночам, пересчитывая деньги в конверте и понимая, что до куртки ещё далеко. Ася не знала, что отец иногда пропускает обед, чтобы сэкономить на еде. Они оба делали вид, что всё в порядке, и оба знали, что это не так.

Но в их молчании была своя правда. Правда двух людей, у которых нет никого, кроме друг друга.

В тот вечер Ася налепила три десятка вареников. Это был ритуал: по четвергам отец заканчивал работать пораньше – он специально брал меньше заказов, чтобы вернуться к семи – и они ужинали вместе. Ася ждала этого дня с нетерпением. Четверг был единственным днём, когда она позволяла себе не думать об учёбе, не грызть конспекты, не переживать о предстоящих зачётах. Просто сидеть с отцом за столом, есть вареники и говорить ни о чём.

Она поставила кастрюлю на плиту, нарезала свежий укроп – тот самый, который вырастила в горшке на подоконнике из семян, купленных за двадцать рублей в переходе метро, – и села ждать. На столе уже стояли тарелки, вилки, солонка и банка сметаны, купленная утром в магазине у дома.

Она смотрела в окно, за которым мелькали огни проезжающих машин. Их дом стоял недалеко от оживлённой улицы, и постоянный гул мотора стал для Аси привычным фоном, как тиканье часов или шум воды в трубах. Она могла отличить звук отцовской машины от других – «Фольксваген» урчал басовито, с небольшой хрипотцой в выхлопной системе. Но сейчас этого урчания не было слышно.

Семь часов. Половина восьмого. Восемь.

Отец никогда не опаздывал. Это было его правилом: если он задерживается, он всегда звонит. Всегда. Даже если задержка на десять минут, он находил время, чтобы набрать

номер и сказать: «Дочка, не волнуйся, попал в пробку» или «Дочка, последний клиент, скоро буду».

Ася посмотрела на телефон. Экран был чистым. Она проверила, не отключён ли звук – нет, всё в порядке. Связь есть, интернет работает.

Она набрала его номер. Гудки. Долгие, пустые, такие, какие бывают, когда телефон лежит где-то в сумке и никто не слышит звонка.

Она набрала снова. Ничего.

Третий раз. Четвёртый.

На пятый раз трубку снял незнакомый мужской голос, усталый и равнодушный, как у человека, который слишком часто повторяет одни и те же слова и уже перестал вкладывать в них чувства.

– Алло. Это телефон Николая Ивановича?

– Да, – Ася почувствовала, как внутри что-то сжалось в тугой, болезненный ком. – А где он? Кто это?

– Я врач скорой помощи. Ваш отец попал в аварию. Он в Городской клинической больнице, реанимационное отделение. Приезжайте как можно скорее.

Ася не помнила, что сказала в ответ. Кажется, что-то вроде «я сейчас буду» или «спасибо». Она положила трубку и несколько секунд стояла неподвижно, глядя на накрытый стол.

Она накинула на плечи куртку – ту самую, старую, с дырками на рукавах, – схватила телефон и ключи и выбежала в

подъезд.

Дальнейшее она помнила урывками, как плохо смонтированный фильм, где кадры выпадают, сцены не связываются друг с другом, а звук то пропадает, то возникает снова.

Как она бежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и на третьем пролёте споткнулась, чуть не упала, но удержалась за перила.

Как на улице моросил дождь – мелкий, противный, такой, что пробирает до костей. Как она подняла руку, чтобы поймать машину, и первая же остановилась – старенькая «Лада» с помятым крылом.

– Садись, – сказал водитель, молодой парень с серьгой в ухе и усталыми глазами – видимо, он тоже много работал и мало спал. – Довезу. Не плачь.

– Я не плачу, – ответила Ася и только тогда поняла, что щёки у неё мокрые.

Как в приёмном покое больницы она увидела свои ноги в растоптанных домашних тапках – тех самых, в которых ходила по квартире, и почему-то подумала: «Господи, я в тапках. Я выбежала в тапках». Ей стало стыдно перед медсёстрами, перед другими посетителями, хотя они не смотрели на её ноги – у каждого была своя боль.

Как потом был коридор. Длинный, бесконечный, с люминесцентными лампами под потолком, которые гудели на одной ноте – высоко, монотонно, как назойливое насекомое, от которого не отмахнуться. Запах хлорки и лекарств, сме-

шанный с чем-то сладковатым – может быть, с надеждой, а может быть, со смертью. Ася не знала. Она никогда не могла отличить одно от другого.

Как потом пришёл врач – молодой, с быстрыми движениями и усталыми глазами, в белом халате, на котором не хватало одной пуговицы. Врач говорил что-то про множественные переломы, про травму позвоночника, про операцию, которая нужна в ближайшее время, иначе отец навсегда останется обездвиженным. Полностью. Поясничной отдел, очень серьёзно. Сказал, что отцу повезло – он жив. Но везение закончилось там, где начались цифры.

– Без операции он не встанет, – сказал врач. – Вообще. Никогда. Вы понимаете?

– Понимаю, – сказала Ася. Голос звучал чужой, будто не её. Будто кто-то другой говорил эти слова, а она просто открывала рот.

– Операция сложная, нужны импланты, хороший хирург. Стоить будет... – Он назвал сумму. Ася не запомнила цифр – она запомнила только, что это было число с пятью нулями. Пять нулей.

У неё было три тысячи рублей в конверте на куртку и восемьсот рублей на карте. Ещё немного мелочи в копилке – рублей триста, наверное. И всё.

– Виновник аварии скрылся, – добавил врач. – Если его найдут, будет страховка. Но это не быстро. А время у нас мало.

Врач ушёл. Ася осталась одна в коридоре. Она села на жёсткий пластиковый стул – такие стулья бывают только в больницах и в отделениях полиции, они сделаны так, чтобы на них было невозможно сидеть долго и удобно. Но Ася сидела. Потому что некуда было идти.

Через стеклянную дверь реанимации ничего не было видно – только белый свет и тени, которые двигались туда-сюда. Иногда оттуда выходила медсестра, что-то записывала в журнал, не глядя на Асю. Иногда оттуда слышались голоса – тихие, деловые, без паники. Ася прислушивалась к ним, пытаясь угадать, что происходит с отцом, но ничего не могла разобрать.

Она сидела так, наверное, с час. Может быть, два. Время потеряло смысл.

Потом она заставила себя встать. Ноги были ватными, как будто она только что пробежала марафон. Она пошла в туалет в конце коридора, закрылась в кабинке, села на холодную пластиковую крышку унитаза и заплакала.

Не громко, не надрывно – она научилась плакать тихо ещё в детстве. Она плакала в кулак, закусывая костяшки пальцев, чтобы никто не услышал. Чтобы медсёстры не жалели её, чтобы другие посетители не оглядывались. Она плакала и думала об отце, который лежал сейчас где-то там, за белой дверью, в операционной, привязанный к койке, с трубками в руках. И о варениках, которые остывали на кухне, покрываясь плёнкой из застывшего жира. И о том, что он так и не

купил себе лодку.

Она плакала долго. Потом слёзы кончились, и осталась только пустота.

Она вышла из кабинки, подошла к раковине, умылась ледяной водой из-под крана. Посмотрела на себя в зеркало – бледное лицо, красные глаза, мокрые волосы, прилипшие к щекам. Она не узнала себя. Девушка в зеркале была чужой, старой, уставшей.

Она достала из кармана конверт с тремя тысячами. Поддержала его в руке. Потом открыла, вытащила купюры – три бумажки, шуршащие, почти новые – и понесла в регистрацию.

– Это пока всё, – сказала она, протягивая деньги. – Я принесу ещё.

Регистраторша, полная женщина с тяжёлым вздохом и вечно недовольным лицом, посмотрела на неё с сочувствием – тем особенным сочувствием, которое бывает у людей, работающих в больницах и видевших тысячи таких же перепуганных девушек с такими же конвертами в руках.

– Деточка, это капля в море, – сказала она. – Операция стоит гораздо дороже. Но я внесу. Ты главное держись.

– Спасибо, – сказала Ася.

Она вернулась в коридор, села на тот же пластиковый стул и продолжила ждать.

В ту ночь она не поехала домой. Она сидела в коридоре реанимации, смотрела на закрытую дверь, прислушивалась к

звукам, которых почти не было. Иногда выходила медсестра, иногда заходил врач. На неё никто не обращал внимания – она была частью декораций, ещё одним стулом, ещё одной тенью.

Телефон разрядился. Она попыталась включить его – не загружался. Чёрный экран смотрел на неё пустым взглядом.

Она осталась одна. Без связи, без денег, без плана. Только она, пластиковый стул и белая дверь, за которой был её отец.

В три часа ночи, когда больница затихла и в коридоре остались только гудящие лампы и она, Ася вспомнила про диктофон.

Старый, ещё кассетный, который отец когда-то использовал для записей клиентов в такси – диктовал адреса, чтобы не забыть, записывал важные встречи. Потом он отдал его ей: «Может, пригодится для учёбы, лекции записывать». Она почти не пользовалась им – зачем диктофон, когда в телефоне есть всё необходимое? Но сейчас телефон был мёртв, а диктофон лежал в кармане куртки, тяжёлый, с металлическими углами, поцарапанный от времени.

Она достала его, нашла в темноте кнопку записи. Красный глазок загорелся – маленькая точка света в огромной пустоте коридора.

– Сегодня моего отца сбила машина, – сказала она в тишину. Голос был хриплым, срывающимся. – Он лежит в реанимации. Ему нужна операция, а у меня нет денег. Я не знаю, что делать.

Пауза. Только гул ламп и где-то далеко – шаги ночной медсестры.

– Он никогда никого не обидел. Он просто работал. Вёз людей по их делам, возвращался домой. И кто-то решил, что его жизнь ничего не стоит.

Она замолчала, не зная, что ещё сказать.

– Почему? – спросила она наконец. – За что?

Вопрос повис в воздухе, не находя ответа. Лампы гудели. Где-то за стеной застонал пациент. Ася выключила диктофон и спрятала его в карман.

Это была первая запись. Она не знала тогда, что их будет много – этих записей, этих вопросов, этих бессонных ночей, проведённых в больничных коридорах на жёстких пластиковых стульях.

Она не знала, что через несколько месяцев будет вспоминать эту ночь как точку, с которой началось что-то новое – не только страшное, но и удивительное. Что именно здесь, в этом запахе хлорки и гудении ламп, её жизнь расколется на «до» и «после», и «после» окажется не концом, а началом.

Но тогда она знала только одно: её отец лежит за белой дверью, и она не может его потерять. Потому что если она потеряет его – ей некого будет терять.

Она сидела в коридоре до утра. Смотрела, как за окном постепенно светлеет небо – от чёрного к синему, от синего к серому, от серого к бледно-розовому. Город просыпался, начинал шуметь, жить своей жизнью. А для Аси жизнь оста-

новилась.

Она сидела и ждала. Она не знала чего. Может быть, чуда. Может быть, просто ответа.

А в это время в больничной палате, на третьем этаже, в соседнем крыле, какой-то человек – она ещё не знала его имени – заканчивал ночную смену. Он снимал перчатки, устало протирает глаза и думал о том, что давно перестал верить в чудеса. Он не знал, что через несколько недель его жизнь тоже расколется на «до» и «после». И всё из-за девушки, которая сидела сейчас в коридоре реанимации в домашних тапках и держала в руках старый диктофон.

Но это будет потом.

А пока – наступало утро. Вареники на кухне давно остыли. И мир, каким знала его Ася, перестал существовать.

Глава 2. Город, который не спит

Учебный корпус медицинского колледжа стоял на улице Ленина, в здании с высокими потолками, лепниной на фасаде и тяжёлыми дубовыми дверями, которые помнили ещё дореволюционных гимназисток. Когда Ася первый раз переступила порог этого здания два года назад, ей показалось, что она попала в храм. Здесь пахло не ладаном, конечно, – формалином, хлоркой, старыми книгами, – но торжественность была той же самой. Стены цвета слоновой кости, широкие лестницы с чугунными перилами, актовый зал с портретами великих врачей. Ася тогда подумала: «Я здесь буду

учиться. Я стану врачом. Я буду помогать людям».

Сейчас, стоя перед кабинетом заведующей отделением, она чувствовала себя не как в храме, а как на суде.

Кабинет Елены Павловны находился в конце длинного коридора на втором этаже, там, где всегда было тише, чем в остальном здании. Сюда редко заглядывали студенты – только по вызову, только с замиранием сердца. Ася видела, как её однокурсники выходили из этой двери с красными лицами, опущенными головами, иногда со слезами. Елена Павловна была женщиной невысокого роста, с острым взглядом и привычкой говорить правду в глаза, не смягчая углов. Её боялись. Её уважали. Её ненавидели. Но никто не оставался равнодушным.

Ася постучала. Тишина. Потом голос из-за двери:

– Войдите.

Елена Павловна сидела за своим массивным столом, разбирая бумаги. На столе, как всегда, царил идеальный порядок: стопки документов, подписанные и разложенные по цветам, три ручки в подставке, стакан с чаем без пакетика (она заваривала листовой, в специальном заварнике). На стене за её спиной висел диплом о высшем образовании в тяжёлой деревянной раме и фотография коллектива кафедры – маленькие чёрно-белые лица, которые смотрели на мир с оптимизмом восьмидесятых.

– Присаживайся, – Елена Павловна указала на стул напротив. – Что привело?

Ася села, положила на край стола заявление – лист бумаги, который она переписывала три раза, потому что в первом варианте были кляксы, во втором – ошибка в дате, в третьем – неправильно написала фамилию. Пальцы не слушались, когда она выводила буквы.

– Я хочу взять академический отпуск, – сказала Ася. Голос звучал ровно, но внутри всё тряслось.

Елена Павловна взяла заявление, прочитала, не торопясь. Потом отложила в сторону и сняла очки – большие, в толстой оправе, которые делали её похожей на строгую библио-текаршу.

– Объясни, – сказала она.

– У меня отец в реанимации. Авария. Нужна операция, очень дорогая. Я не могу одновременно учиться и работать. А работать нужно.

– Кто оперирует?

– Ещё неизвестно. Я ищу варианты.

– Страховка?

– Виновник скрылся.

Елена Павловна помолчала. Она умела молчать так, что это молчание было тяжелее любых слов. В этом молчании слышались годы работы, годы потерь, годы, когда она смотрела на студентов, которые приходили и уходили, и знала, кто выживет в профессии, а кто сломается.

– Ты понимаешь, что академический отпуск – это не каникулы? – сказала она, наконец. – Восстановиться потом бу-

дет сложно. Мест может не быть, программу поменяют. А ты была одной из лучших.

– Я знаю.

– Твои оценки. – Елена Павловна открыла папку, полистала. – «Отлично» по анатомии, «отлично» по фармакологии. Преподаватели тебя хвалят. Говорят, руки золотые.

Ася опустила глаза. Ей было больно слышать это. Потому что эти оценки, эти похвалы – всё это было в другой жизни. В жизни, где она могла думать об учёбе, а не о том, где взять деньги на операцию.

– Тебе сколько лет? – спросила Елена Павловна.

– Двадцать.

– Двадцать. А выглядишь на семнадцать. И ведёшь себя на сорок. – Она покачала головой. – Ты не первая, кто приходит ко мне с таким заявлением. И не последняя. Но я каждый раз спрашиваю: думаешь, он этого тебя ждал? Твой отец. Думаешь, он хотел, чтобы ты бросала учёбу ради него?

– Он бы не хотел, – тихо сказала Ася. – Но я всё равно брошу. Потому что он у меня один.

Елена Павловна посмотрела на неё. Долго. Так смотрят на сложный рентгеновский снимок, когда ещё не уверены в диагнозе, но уже понимают, что он серьёзный.

– Ты сильная? – спросила она.

– Не знаю.

– Силён тот, кто умеет просить помощи. А кто всё тащит на себе – тот просто упрямый. Ты упрямая?

– Наверное.

– Это диагноз. – Елена Павловна вздохнула, взяла ручку и поставила подпись на заявлении. – Ладно. Подписываю. Но учти: через год ты должна вернуться. Если не вернёшься – вылетишь. Справок не принимаю, историй не слушаю. Придёшь – будешь учиться. Не придёшь – значит, не твоё.

– Я приду, – сказала Ася.

– Посмотрим.

Елена Павловна достала из ящика стола визитку. Белый картон, синие буквы: «Доктор Борис. Ветеринарная клиника. Приём по записи». Внизу был написан адрес и номер телефона.

– Есть одна знакомая, – сказала Елена Павловна. – Вернее, знакомый. Борис Ильич. Старый ветеринар, золотые руки, тяжёлый характер. Ищет администратора, но на деле – помощника. Платят немного, но лучше, чем ничего. И опыт получишь. Позвони, скажи, что от меня.

– Спасибо, – Ася взяла визитку, сжала в пальцах.

– Не благодари. Лучше возвращайся. Врачи нам нужны. Хорошие врачи.

Ася встала, уже у двери обернулась.

– Елена Павловна, а вы... вы бы бросили всё ради своего отца или ребёнка?

Елена Павловна помолчала. В её острых глазах мелькнуло что-то – может быть, боль, может быть, воспоминание.

– Я бы, – сказала она тихо. – Я бы бросила всё что угодно.

Поэтому я и подписала тебе заявление.

Ася вышла из кабинета, спустилась по лестнице, вышла на улицу. В руке она сжимала визитку – маленький прямоугольник картона, который должен был стать её спасательным кругом. Она не знала, удержит ли он её на плаву. Но выбора не было.

Был конец октября, и город встретил её холодным ветром и морозящим дождём – тем особенным осенним дождём, который не льёт, как летний ливень, а проникает под одежду мелкими, липкими каплями. Ася натянула капюшон своей старой куртки – капюшон давно потерял форму и всё норовил сползти на глаза, – и побрела к остановке.

Она не поехала домой. Дома было пусто. Отец в больнице, в палате, где даже не разрешают сидеть после девяти вечера. Квартира ждала её с холодными батареями и не выключенным светом на кухне. Она не могла туда вернуться. Не сегодня.

Вместо этого она зашла в маленькую столовую рядом с колледжем. Здесь пахло супом и жареным луком, здесь было дёшево и не стыдно – никто не смотрел на тебя с жалостью, потому что все были такими же: студентами, пенсионерами, случайными прохожими, которым нужно было быстро и недорого перекусить.

Ася взяла стакан чая за пятнадцать рублей и булочку за двенадцать. Села за столик у окна. Достала телефон, посмотрела на экран. Четыре пропущенных от однокурсницы Кати,

два сообщения: «Ты где?» и «Всё нормально?». Она ответила: «Всё норм, я взяла академ». Потом добавила: «Потом расскажу».

Катя была её единственной подругой в колледже – весёлая, громкая, с вечно растрёпанными волосами и привычкой говорить то, что думает. Катя не понимала, как можно быть такой серьёзной, как Ася. «Ты слишком много думаешь, – говорила она. – Жить проще надо». Ася не умела жить проще. Может быть, потому что у неё никогда не было такой возможности.

Она доела булочку, допила чай. Позвонила по номеру с визитки.

– Слушаю, – ответил мужской голос – прокуренный, спокойный, какой-то домашний.

– Здравствуйте. Меня зовут Ася. Елена Павловна из колледжа сказала, что вы ищете администратора.

– А, Елена Павловна, – в голосе послышалась усмешка. – Добрая женщина, но вредная. Как она там?

– Нормально.

– Злая, поди, как всегда?

– Немного.

– Значит, всё в порядке. Значит, рекомендует тебя? Приходи завтра утром. Я с восьми на месте. Клиника в цоколе, дом 14 по Кирова. Спросишь Бориса Ильича.

– Спасибо.

– Не за что. Булочку захвати, у меня сахар кончился.

Он отключился. Ася смотрела на телефон и улыбалась – первый раз за день. Станный он, этот Борис Ильич. Присит булочку, говорит о сахаре, а о работе – ни слова. Может быть, это проверка? Или он просто такой человек – сначала человек, потом врач.

Она зашла в магазин у метро, купила пачку печенья и маленькую булку с корицей. Положила в сумку, чтобы не забыть.

Клиника находилась в цокольном этаже старого жилого дома на улице Кирова. Здание было серым, обшарпанным, с облупившейся штукатуркой и трещинами на фасаде. Окна клиники были на уровне тротуара – маленькие, зарешеченные, из-за жалюзи почти ничего не видно. Над дверью висела вывеска: «Доктор Борис. Ветеринарная клиника. Приём по записи». Вывеска была старой, выцветшей, некоторые буквы стёрлись. Ася подумала, что это место похоже на неё саму – старое, уставшее, но ещё работающее.

Она спустилась на три ступеньки вниз, потянула тяжёлую дверь. Звякнул колокольчик – такой, какие вешают на двери небольших магазинов, чтобы хозяин знал, что пришёл покупатель.

Внутри было тесно, но чисто. Небольшая приёмная с пластиковыми стульями, сложенными вдоль стены. Стойка, за которой – компьютер, принтер, стопка карточек. На стенах – плакаты с анатомией собак и кошек, старые, пожелтевшие по краям. В углу – клетка, в которой дремала старая рыжая

кошка с отсутствующим ухом. Кошка открыла один глаз, посмотрела на Асю, фыркнула и снова закрыла.

– Клава, не груби, – раздался голос из-за двери. – Это к нам надолго, если повезёт.

Из кабинета вышел мужчина. Борис Ильич оказался под шестьдесят – седая щетина, глубокие морщины вокруг глаз, большие руки с узловатыми пальцами. Он был одет в старый, но чистый халат, из-под которого виднелась клетчатая рубашка. Пахло от него табаком и кофе – резкое сочетание, но удивительно уютное.

– Ася, значит? – Он оглядел её с головы до ног. Взгляд был спокойным, оценивающим, но не наглым. – Елена Павловна говорила, что ты из-за отца учёбу бросила. Так?

– Взяла академический, – поправила Ася.

– Одно и то же. – Он махнул рукой. – Ладно, не моё дело. Тяжело?

– Нормально.

– Врёшь. Но я возьму.

Он провёл её по клинике. Кабинет для осмотра – маленький, но с хорошим освещением, смотровым столом и шкафчиками с инструментами. Операционная – крошечная, рассчитанная на одного хирурга и одного ассистента, с лампой, которая когда-то была современной, а теперь казалась музейным экспонатом. Подсобка – там Борис Ильич хранил лекарства, корма и странные предметы, назначения которых Ася не понимала. Банки, склянки, какие-то приспособления

из проволоки.

– Администратор мне не нужен, – сказал Борис Ильич, закрывая дверь подсобки. – Мне нужен санитар. Убирать, животных держать, капельницы ставить. Справишься?

– Я учусь на медсестру, – сказала Ася. – Я умею делать уколы и капельницы.

– На людях. А на кошках умеешь? Разница есть. У кошек вены тоньше, они вертятся. Собаки – те терпеливее, а кошки – стервы.

– Научусь.

– Оптимистка. – Он усмехнулся, но в усмешке не было злости. – Ладно. Еда за мой счёт – я тут обеды готовлю, один всё равно. Пенсионер, детей нет, жены нет. Будешь со мной есть, не обижайся на качество.

– Я не обижаюсь на еду.

– Это хорошо. Обидчивые мне не нужны. – Он почесал затылок. – Оплата – пятьсот рублей в день. Мало?

– Достаточно.

– Врёшь опять. Но ладно. Иди, знакомься с хозяйкой.

Он указал на клетку в углу, где дремала старая рыжая кошка.

– Это Клава. Ей семнадцать лет – по кошачьим меркам глубокая старость. У неё артрит, диабет и скверный характер. Злая, как чёрт. Будешь делать ей уколы два раза в день. Если укусит – не увольняю. Если не сделаешь укол – уволю.

Ася подошла к клетке, осторожно открыла дверцу. Кла-

ва открыла один глаз, посмотрела на неё с царственным презрением. У кошки был такой вид, будто она знала о мире больше, чем все люди, вместе взятые, и этот мир её глубоко разочаровал.

– Здравствуй, Клава, – сказала Ася. – Я Ася. Мы будем дружить.

Клава фыркнула и отвернулась.

– Познакомились, – сказал Борис Ильич. – Она тебя сразу невзлюбила. Это хороший знак.

– Почему?

– Потому что она всех сразу ненавидит. Значит, ты для неё обычный человек. Не хуже и не лучше других. С такими она сосуществует мирно.

Он дал Асе халат – слишком большой, из плотной ткани, с карманами, в которых можно было носить всё что угодно. На кармане было вышито: «Доктор Борис».

– Носи, не потеряй. Это единственный лишний. Если порвёшь – зашьёшь сама. Я в шитье не разбираюсь.

Первый рабочий день пролетел незаметно. Ася мыла полы, разбирала карточки, кормила Клаву, училась ставить капельницу манекену – Борис Ильич принёс старую игрушечную собаку, которую использовал для обучения.

– Представь, что это пациент, – сказал он. – У пациента шок, ему срочно нужна капельница. Твоя задача – попасть с первого раза. Если не попадёшь – пациент умрёт.

– Это же игрушка, – растерялась Ася.

– А в голове ты должна представить, что это живая собака. Или человек. Неважно. Принцип один. Иглу в вену, раствор в кровь. Всё.

Ася тренировалась до тех пор, пока рука не перестала дрожать. Борис Ильич наблюдал, иногда поправлял, но в основном молчал. К концу дня она уже ставила капельницу уверенно, без запинки.

– Неплохо, – сказал Борис Ильич. – Но с живой собакой будет сложнее. Они вертятся.

– Я готова.

– Посмотрим.

Вторая работа нашлась быстрее, чем она ожидала. На столбе у метро, среди объявлений о продаже щенков, репетиторстве и услугах гадалки, висел листок: «В круглосуточную кофейню «Кофе & Сон» требуется уборщица в ночную смену. Оплата сдельная. Звоните».

Ася позвонила. Договорилась о встрече на следующий день.

Кофейня находилась на первом этаже торгового центра, недалеко от метро. Это была сетевая забегаловка с пластиковыми стульями, ярким светом и вечно разбитым кофематом, который плевался паром и требовал вызова мастера. Пахло здесь кофе, чистящим средством и чем-то сладким – может быть, сиропом, а может быть, просто дешёвым освежителем воздуха.

Менеджером оказалась тощая девушка с идеальным ма-

никюром и вечно недовольным лицом. Её звали Лена, ей было двадцать пять, и она носила на руке часы с бриллиантами – Ася почему-то запомнила именно это. Бриллианты на уборщице кофейни казались символом какой-то неправильной жизни.

– Опыт есть? – спросила Лена, даже не посмотрев на Асю.

– Есть. Я убирала в общежитии.

– Общежитие – это не кофейня. Здесь клиенты, понимаешь? Должно быть чисто. Каждый день, в любое время. Если клиент увидит грязь – он уйдёт.

– Я понимаю.

– Смены с одиннадцати вечера до семи утра. Моешь полы, чистишь туалеты, собираешь стаканчики, выносишь мусор. Кофе бесплатно.

– Спасибо.

– Не за что. Только не падай в обморок, предыдущая упала. Скорая приезжала, представляешь? Клиенты испугались.

– Я не упаду.

– Посмотрим.

Ася вышла из кофейни, вдохнула холодный воздух. Теперь у неё было две работы. Семь дней в неделю, без выходных. Она подсчитала в уме: пятьсот рублей в день у Бориса Ильича – примерно пятнадцать тысяч в месяц. Плюс сдельная оплата в кофейне – может быть, ещё десять-двенадцать. Двадцать пять-двадцать семь тысяч в месяц. Операция отца стоила триста двадцать.

Она закрыла глаза. Не думать. Нельзя думать. Нужно работать.

Так началась её новая жизнь.

Она спала по три-четыре часа в сутки, урывками, между сменами. Утром после ночной работы в кофейне она ехала в больницу к отцу – сначала на автобусе, потом на метро, потом пешком через парк. Сидела с ним час-два, кормила, поправляла подушку, читала вслух новости с телефона. Потом – в клинику к Борису Ильичу, работала до пяти вечера. Потом – три часа сна дома (если успевала добраться, если не падала без сил прямо в приёмной на стуле). Потом – снова в кофейню.

Постепенно она научилась не чувствовать усталости. Тело привыкло, вошло в ритм, как машина, которая едет на автопилоте. Главное было не останавливаться. Если остановиться – всё развалится.

Отец лежал в больнице, и каждое утро Ася приходила к нему – бледная, с синяками под глазами, но старающаяся улыбаться.

– Дочка, – говорил он слабым голосом. – Ты спишь вообще?

– Сплю, пап. Всё хорошо.

– Врёшь.

– Немного.

– Ты худая стала. Ешь нормально?

– Ем. У меня Борис Ильич, хозяин клиники, он кормит

обедами. Он вкусно готовит. Борщ, знаешь, как у бабушки.

Это было правдой – Борис Ильич действительно готовил обеды. Он приносил еду в контейнерах, ставил на стол в подсобке и командовал: «Ешь». Ася ела, чтобы не обижать. Еда была простой – супы, каши, иногда мясо, – но честной и сытной.

– А что за Борис Ильич? – спрашивал отец.

– Ветеринар. Старый, мудрый. Говорит, что кошки – стервы.

– Умный человек. – Отец улыбался. – А ты как, справляешься?

– Справляюсь, пап. Ты главное поправляйся.

– Я поправлюсь. Я же обещал тебе лодку. – Он сжимал её руку своими большими, уже слабыми пальцами. – Дождётся меня лодка?

– Дождётся. Мы вместе её выберем. Ты будешь сидеть с удочкой, а я тебе буду пиво приносить.

– Я не пью пиво.

– Тогда компот.

– Компот – это дело.

Он засыпал, и Ася сидела рядом, держа его за руку, и смотрела, как за окном розовеет небо. В этих утренних часах было что-то святое – время, которое принадлежало только им двоим. Время, когда не нужно было бежать, работать, считать деньги. Просто быть рядом.

Борис Ильич оказался не только хорошим врачом, но и

хорошим человеком. Он не задавал лишних вопросов, не лез в душу, но замечал всё. Он видел, как Ася ест – быстро, жадно, как человек, который не знает, когда у него будет следующий приём пищи. Видел, как она спит на диване в подсобке, свернувшись калачиком, когда думает, что никто не смотрит. Видел её синяки под глазами, её бледность, её привычку перекусывать хлебом с кетчупом.

И он молча подкладывал ей в шкафчик йогурты, яблоки, бутерброды, делая вид, что это «осталось от обеда» или «сосед принёс, но я не ем сладкое».

Ася делала вид, что верит.

– Борис Ильич, – спросила она однажды, когда они разбирали карточки после приёма. – А почему вы не закрыли клинику? Ветклиник сейчас много, современных, с оборудованием. А у вас всё по-старому.

Борис Ильич задумался. Долго. Поправил очки, которые носил только для чтения.

– Понимаешь, девочка, – сказал он, наконец. – Люди приходят ко мне с животными. У этих животных есть хозяева. А у хозяев – сердца. И когда я беру в руки старого кота или больную собаку, я вижу не просто пациента. Я вижу семью. Иногда единственную семью, которая осталась у старушки. Иногда – последнее, что связывает родителей после смерти ребёнка. Я не могу взять деньги с человека, у которого нет денег. Не могу.

– А как же выживаете?

– С трудом. – Он усмехнулся. – Но как-то. Пенсия есть, иногда клиенты платят. Богатые клиенты, с дорогими собаками. Они платят много – за то, чтобы я сделал быстро и хорошо. А на их деньги я лечу тех, у кого денег нет. Круговорот добра в природе.

– Вы хороший человек, – тихо сказала Ася.

– Нет, – покачал головой Борис Ильич. – Я просто старый ветеринар. И я устал. Но пока есть силы – работаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.